С. В. Либиг

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ ТОПОГРАФИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ (на примере текстов о Вильгельме Телле)

Работа представлена кафедрой немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Л. Н. Григорьева

Статья рассматривает специфику совместного функционирования феномена интертекстуальности и топоса художественного текста. Многоаспектность данного явления анализируется на примерах драмы Ф. Шиллера «Вильгельм Телль» и повести М. Фриша «Вильгельм Телль для школы».

Ключевые слова: интертекстуальность, хронотоп, топос, концепт, топоним.

The article deals with the phenomenon of intertextuality and literary topos and specifics of their interdependence in literary text. The detailed analysis shows the complexity of this reciprocity in W. Schiller's drama «William Tell» and M. Frisch's story «William Tell for School».

Key words: intertextuality, chronotopos, topos, concept, toponym.

В данной статье мы хотели бы продемонстрировать взаимосвязь феномена интертекстуальности и топоса художественного текста в произведениях, объединенных общим концептом. Речь идет о концепте *Вильгельм Телль*, большой вклад в создание которого внес Ф. Шиллер. Драма Ф. Шиллера «Вильгельм Телль» по сей день считается образцом национальной идеи борьбы за независимость. Вильгельм Телль же в трактовке Ф. Шиллера стоит у истоков швейцарской независимости, государственности и демократии. Передаче высоких идеалов в драме Ф. Шиллера способствует прежде всего патетическая тональность произведения, в основе которой лежат, в том числе, различные приемы глорификации швейцарского национального пространства.

Переоценка идей и образов происходит в повести М. Фриша «Вильгельм Телль для школы», представляющей собой попытку демонтажа сложившегося концепта национального героя и официальной «традиции освобождения» (*Befreiungstradition*). В отличие от патетической тональности драмы Ф. Шиллера, произведение М. Фриша пронизано иронией, обусловленной прежде всего стремлением автора к снижению исходных архетипов. Так, одним из приемов демифологизации является переосмысление созданного Ф. Шиллером локального колорита Швейцарии, осуществляемое по-

средством игры с семантикой топографических реалий.

При этом в основе как создания, так и демонтажа концепта *Вильгельм Телль* лежит феномен интертекстуальности, пронизывающий оба произведения. Интертекстуальность в данном случае не ограничивается только связями между драмой Ф. Шиллера и М. Фриша, а охватывает более широкий круг произведений, контекстов и фоновых знаний, включающих в себя в том числе знания о топографической специфике Швейцарии.

Топос художественного текста, входя в систему художественного хронотопа, является одним из наиболее значимых компонентов внутренней композиции текста, к которой также принадлежат сюжетная структура текста и система его персонажей. Внутренняя композиция художественного произведения отражает, таким образом, специфику сюжетной и персонажной структуры, а также пространственно-временные особенности конкретного текста [2, с. 212]. Как замечал еще М. М. Бахтин, вход в систему художественного текста, в сферу его смыслов «совершается только через ворота хронотопов» [1, с. 290].

И в драме Ф. Шиллера, и в повести М. Фриша мы наблюдаем концентрическую структуру художественного топоса, о чем однозначно свидетельствуют многочисленные географические и этноландшафтные реалии, относящиеся к объективному географическому пространству Швейцарии. По характеру изображаемых топонимических объектов в обоих произведениях можно встретить следующие виды топонимов: ойконимы (названия населенных пунктов), гидронимы (названия водных объектов) и оронимы (названия рельефных особенностей).

Как известно, Ф. Шиллер при создании драмы «Вильгельм Телль» уделял большое внимание топонимическим деталям. Так как Ф. Шиллер никогда не был в Швейцарии, то пробелы в знаниях касательно географии места действия он восполнял тщательным изучением карт. В марте 1802 г. Ф. Шиллер попросил своего издателя Котту о следующем одолжении: «Если Вы можете достать мне подробную специальную карту Вальдштеттского озера и прилегающих кантонов, то будьте любезны сделать это. Мне так часто пришлось слышать неверный слух, что я якобы работаю над неким *Вильгельмом Теллем*, что этот предмет, в конце концов, заинтересовал меня» [7, с. 49].

Ф. Шиллеру удалось создать абсолютно достоверную картину места действия. Как заметил швейцарский писатель У. Видмер, топография Ф. Шиллера «навязчиво точна». В топографических описаниях Ф. Шиллера нет ошибок и противоречий. Таким образом, посредством точнейшей топографии и этно-ландшафтных указаний, насчитывающих в сумме до 150 реалий, Ф. Шиллеру удалось создать богатый локальный колорит драмы [12].

По замыслу автора точность топографии призвана суггерировать реальность происходящих в драме событий: чем более реальным представляется читателю художественное пространство, тем более достоверным кажется все произведение, включая сюжет и персонажей. Ф. Шиллер настолько преуспел в своем начинании, что его версия происходящих событий, их хронология, причины и взаимообусловленность стали достоянием официальной историографии Швейцарии, способствуя созданию концепта *Вильгельм Телль*.

Специфика художественного топоса в драме Ф. Шиллера выражается в идее идиллического слияния человека и природы. Швейцарец в изображении Ф. Шиллера – дитя природы. При этом локально-ландшафтная специфика не просто обрамляет происходящие в драме события, а активно участвует в них, неся идею свободы. Уже авторское описание первой

сцены до начала действия драмы дает читателю первое представление о гармонии, царящей между человеком и швейцарской природой:

*«**Hohes Felsenufer** des **Vierwaldstättersees**, **Schwyz** gegenüber. Der **See** macht eine **Bucht ins Land**, eine Hütte ist unweit dem Ufer, Fischerknabe fährt sich in einem Kahn. Über den See hinweg sieht man **die grünen Matten**, **Dörfer** und **Höfe von Schwyz** im **hellen Sonnenschein** liegen. Zur Linken des Zuschauers zeigen sich **die Spitzen des Haken**, mit **Wolken** umgeben; zur Rechten im **fernen** Hintergrund sieht man die **Eisgebirge**. Noch ehe der Vorhang aufgeht, hört man **den Kuhreihen** und das **harmonische Geläut der Herdenglocken**, welches sich auch bei eröffneter Szene **noch eine Zeitlang fortsetzt**»* [10, с. 3].

Живописный ландшафт излучает умиротворение. Созданию такого впечатления способствует прежде всего целенаправленная колористика: сочные луга (*die grünen Matten*), яркий свет солнца (*im hellen Sonnenschein*) и снежные вершины (*Eisgebirge, die Spitzen des Haken*) в окружении белых облаков (*mit Wolken umgeben*). Музыкальное сопровождение также играет важную роль в создании идиллической картины Швейцарии. Зритель слышит песни пастухов (*Kuhreihen*) и продолжительный мелодичный перезвон колокольчиков (*das harmonische Geläut der Herdenglocken, welches sich noch eine Zeitlang fortsetzt*). Так, еще до того, как на сцене начинается какое-либо действие, зритель имеет возможность «впитать» царящую на сцене идиллию: человек и природа Швейцарии гармонируют. Происходит слияние человека и природы.

Созданию национального колорита способствует также целый ряд реалий. Топонимы *Vierwaldstättersee, Schwyz, Haken, Eisgebirge*, а также локальные реалии *Matten, Kuhreihen*, входящие в лексический состав национальных вариантов немецкого языка в приальпийских странах, передают локальный характер всей сцены. Речь рыбака Руоди еще больше усиливает сложившийся колорит и подчеркивает идею единения человека и природы:

*«Mach hurtig Jenni. Zieh **die Naue** ein. / **Der graue Talvogt** kommt, **dumpf** brüllt der **Firn**, / **Der Mythenstein** zieht seine Haube an, / Und kalt her bläst es aus dem **Wetterloch**, / Der Sturm, ich mein, wird dasein, eh wir's denken»* [10, с. 4].

Использование диалектной лексики (*die Naue, Firn*) и локальных и топографических реалий (*Mythenstein, Talvogt, Wetterloch*), с одной стороны, передает национальный характер речевого поведения населения Швейцарии, с другой же стороны, подчеркивает, насколько глубока связь между швейцарским народом и швейцарской природой.

Так, рыбак Руоди говорит о природе как о живом существе: *der Talvogt kommt*, *der Firn brüllt, der Mythenstein zieht seine Haube an*. Эпитеты *grau, dumpf* призваны при этом, усилить выразительность происходящего, вызывая в сознании читателя определенные визуальные и акустические ассоциации: серое небо и глухой рев являются предвестниками бури и знаками природного гнева. Природа отождествляется с человеком, для описания природных явлений используются многоступенчатые метафоры. Таким образом, природа Швейцарии в драме Ф. Шиллера стилизируется как живое существо, которое активно принимает участие в происходящем, помогая швейцарцам бороться за свободу.

Постоянным природным мотивом в драме Ф. Шиллера являются горы Швейцарии. Горный ландшафт присутствует и в авторских ремарках, и в речах персонажей, начиная первой сценой первого действия и заканчивая последней сценой драмы. Горы в драме Ф. Шиллера наиболее ярко символизируют единение природы Швейцарии и местного населения –

не только географическое, обусловленное физическими координатами объективного пространства, но и духовное. Горы, как и вся природа Швейцарии, наделяются чертами живого существа. Горы защищают швейцарцев от злых сил извне, охраняют их свободу. Приведем несколько примеров глорификации горного ландшафта:

«Tell ... Nach den ***Bergen*** *zeigend:* ***Das Haus der Freiheit*** *hat uns Gott gegründet»*; *«...****im Gebirg****, / Dort* ***unterm freien Himmelsdache****, wo /* ***Der Sinn noch frisch ist und das Herz gesund****...»*; *«Mit heissen Tränen wirst du dich dereinst /* ***Heimsehnen nach den väterlichen Bergen****»*; *«In* ***unsern*** *Bergen...»*; *«****Den schreckt der Berg nicht, der darauf geboren****»*; *«Dann mag der Strom der* ***wildbewegten Welt / Ans sichre Ufer dieser Berge*** *schlagen»*; *«Dann mögen diese Felsen um uns her /* ***Die undurchdringlich feste Mauer*** *breiten, / Und dies* ***verschlossne sel'ge Tal*** *allein / Zum Himmel* ***offen*** *und* ***gelichtet*** *sein!»*; *«Ja wohl ist's besser, Kind,* ***die Gletscherberge / Im Rücken zu haben,*** *als* ***die bösen Menschen****»* [10, с.14, 22, 27, 38, 45, 50, 54].

Посредством ряда метафор (*das Haus der Freiheit, die Mauer, Himmelsdache, heimsehnen nach den Bergen, die Gletscherberge im Rücken zu haben, dies verschlossne Tal*) Ф. Шиллер создает образ родного дома, каковым – если верить Ф. Шиллеру – являются для швейцарцев горы их страны. Ключевыми семами в образующих данный образ языковых средствах являются семы родины, надежности и защищенности. Усилить данную семантику призван ряд эпитетов: *väterlich, sicher, frei, selig, undurchdringlich, fest, verschlossen, offen, gelichtet*.

Горы представляют собой недоступное врагу убежище. Образ врага создается при помощи осложненной эпитетом метафоры *der Strom der wildbewegten Welt.* Далее происходит идентификация врага посредством приема прямой номинации: *die bösen Menschen*. Это пришельцы извне, из «буйного» мира, которые хотят нарушить внутреннюю идиллию Швейцарии, выраженную метафорой *im Gebirg, wo der Sinn noch frisch ist und das Herz gesund*. Таким образом, бинарная оппозиция «добро-зло» в драме Ф. Шиллера кладется не только в основу характеристик главных героев драмы – Телля и ландфогта, – но и в основу характеристик внутреннего мира Швейцарии, в том числе ее природы, и внешнего мира. Тем самым происходит возвеличивание природы Швейцарии и включение ее в концепт *Вильгельм Телль*.

Историческая объективность пространства драмы «Вильгельм Телль» выражается прежде всего многочисленными топонимическими реалиями, создающими локальный колорит произведения. Сам Ф. Шиллер указывал на тот факт, что в случае с «Вильгельмом Теллем» «поэтическое требование заключается в том, что здесь нужно создать цельный, обусловленный локусом, народ, цельное и удаленное временное пространство и – самое главное – полностью локальный, почти что индивидуальный и единственный в своем роде феномен, обладающий характером наивысшей необходимости» [8, с. 53].

Как уже было указано выше, в результате кропотливой работы с картографическим материалом и путевыми заметками Ф. Шиллеру удалось создать абсолютно достоверный топос, реальность которого суггерирует реальность происходящих событий. В результате становится возможной идентификация читателя/ зрителя с действующими персонажами, сопереживание и моральная поддержка. Реализуются все те эффекты, к которым стремился Ф. Шиллер в процессе создания драмы. Как считает М. Хоппе, «ни разу до этого Шиллеру не удалось создать такое органичное взаимопроникновение идеи и действительности, как в «Вильгельме Телле» [5, с. 139].

Специфика топонимических реалий, лежащих в основе создания объективного топоса драмы, заключается прежде всего в том, что их значение трехпланово. В. А. Никонов предложил выделять три уровня семантики топонима: собственно топонимическое, т. е. соотнесенное с конкретным референтом, дотопонимическое и посттопонимическое значения. При этом под дотопонимическим значением понимают этимологическое значение топонима, т. е. происхождение географического названия, обусловленное реальными фактами или мифологическими мотивами. Под посттопонимическим же значением топонима понимают его ассоциативный план [3].

Через этимологический и ассоциативный семантический план географических названий передается в том числе этнографическая специфика объективного пространства. Тем самым в топонимических реалиях сочетаются мифологические, историко-культурные, этно-ландшафтные, национальные и локальные истоки. Таким образом, посредством использования реалий в художественном тексте происходит актуализация интертекстуальных связей самого широкого плана.

В драме «Вильгельм Телль» наиболее репрезентативной группой реалий, выражающих соответствующую интертекстуально-этнографическую специфику, являются оронимы, обозначающие названия горных хребтов и вершин (например, *Haken, Mythenstein, Jungfrau, Schreckhorn, Axenberg, Joch, Eisgebirge, Buggisgrat, Teufelsmünster, Rossberg, Rigiberg*) и местностей в горах (например, *Rütli, Schächenthal, Hohle Gasse*).

Как замечает Х.-Г. Мюллер, «здесь называются имена, которые нельзя найти ни на одной карте и которые известны только местному населению. К югу от Сисикона находятся Буггисграт (*Buggisgrat*) и Большой Аксен (*Axenberg*); а в горах к югу от Рютли – на противоположном берегу озера – Собор Дьявола (*Teufelsmünster*) (там действительно возвышается мощная скала, и внизу этой скалы, ближе к поверхности озера, при известной доле воображения можно различить строящего рожи черта)» [8].

Предполагается, что название Аксен (*Axenberg*) этимологически восходит к *Achsel* (*=querstehende Bergschulter*), так как по форме Аксен представляет собой возвышающийся над Фирвальдштеттским озером отрезок горного хребта. Скала Крюк (*Haken*) названа так, потому что имеет форму острого кривого острия, висящего над озером. А контуры горы Дева (*Jungfrau*) напоминают фигуру одетой в снежное покрывало девушки-великанши, которую, если верить легенде, превратил в камень горный дух, которому она ответила дерзостью в ответ на просьбу дать ему напиться.

Относительно же того, какую гору увековечил Ф.Шиллер под именем Мютенштайн (*Mythenstein*), нет единого мнения. Так, принято считать, что прототипом послужила пирамидообразная скала Менхир (*Menhir*), возвышающаяся среди вод Фирвальдштеттского озера и известная среди местного населения под названием *Mythenstein*. Первое упоминание этой скалы в качестве указателя дороги на Рютли содержится уже в хронике «Das Weisse Buch von Sarnen»:

«Und wenn sie etwas tun und vornehmen wollten, so fuhren sie für den ***Mythen Stein*** *hin nachts an ein End, heißt im Rütli...»* [11, с.145].

В 1859 г. было принято решение превратить имеющую форму обелиска скалу в памятник Ф. Шиллеру в честь 100-летнего юбилея автора «Вильгельма Телля», в связи с чем на скале была выгравирована следующая надпись: «*Dem Sänger Tells, F. Schiller, Die Urkantone 1859*» [10].

С другой стороны, существует мнение, что под Мютенштайном (*Mythenstein*) Ф. Шиллер имел в виду не 40-метровую

скалу в водах Фирвальдштеттского озера, а почти двухтысячиметровую горную вершину *Mythen*, которая, как пишет Ю. Кюнле, «имеет обыкновение, как и другие высокие горы, при приближении непогоды окутываться облаками» [6]. Если следовать слову Ф. Шиллера, то вторая версия представляется более правдоподобной: *«Der Mythenstein zieht seine Haube an... Der Sturm, ich mein, wird dasein...»* [9, с. 4].

Что же касается этимологии, то предполагается, что *Mythen* восходит к латинскому *meta*, что буквально значит «*конус, пирамида*», что опять же можно было бы трактовать в пользу первой версии происхождения оронима *Mythenstein*. Однако, с другой стороны, столь хорошее знание латыни представляется сомнительным, если не сказать неправдоподобным, со стороны простых крестьян в XIII в.

Таким образом, дотопонимическое значение данного оронима затемнено. Также нельзя однозначно ответить на вопрос, какая именно гора послужила прототипом оронима *Mythenstein* в драме Ф. Шиллера. Не вызывает сомнений только посттопонимическое значение. Название *Mythenstein* закрепилось за конусообразной скалой Менхир, которая теперь официально демонстрируется туристам как указатель дороги на Рютли. И произошло это благодаря драме Ф. Шиллера, о чем свидетельствует сделанная на скале гравировка. Данный пример наглядно показывает высокую степень взаимопроникновения фактов и художественного вымысла, представленного созданным Ф. Шиллером концептом освобождения Швейцарии, в официальной историографии этой страны.

Что же касается *Rütli* – горной поляны на берегу Фирвальдштеттского озера, на которой конфедераты поклялись бороться за свободу своей Родины, – то дотопонимическое значение этого оронима однозначно. *Rütli* восходит к швейцарскому *Grütli*, что в переводе означает «небольшой выкорчеванный участок леса». Этимологические корни данного оронима Ф. Шиллер искусно обыгрывает в драме «Вильгельм Телль» в речи Штауффахера, когда тот рассказывает об истоках Швейцарии:

«...Da beschlossen sie zu bleiben, / Erbaueten den alten Flecken Schwyz, Und hatten manchen sauren Tag, den ***Wald*** */ Mit weitverschlungenen Wurzeln* ***auszuroden****»* [9, с. 36].

Как и Ф. Шиллер, М. Фриш также обращается к топографическим мотивам при создании своей повести «Вильгельм Телль для школы». Однако в отличие от Ф. Шиллера целью М. Фриша является не создание реальной действительности и реального пространства, но высмеивание созданной Ф. Шиллером швейцарской идиллии, составной частью которой является концепт *Вильгельм Телль*. Реальному топосу драмы Ф. Шиллера М. Фриш противопоставляет *сюр*-реальное восприятие национального пространства Швейцарии. Своей цели, заключающейся прежде всего в развенчивании концепта *Вильгельм Телль*, М. Фриш достигает в том числе посредством приема игры дотопонимическими и посттопонимическими значениями топографических реалий, связанных с деятельностью Телля в трактовке Ф. Шиллера.

Так, например, оронимы *Rütli* и *Tellenplatte* подвергаются высмеиванию в повести М. Фриша не в качестве географических названий как таковых, а в качестве мифологем концепта *Вильгельм Телль*. В основе мифологем *Rütli* и *Tellenplatte* лежит посттопонимическое значение данных реалий, являющееся результатом их определенного этнографического развития. Высмеиванию национального героя Швейцарии служит также прием игры с этимологическим значением антропонима *Tell*. Таким образом, обращаясь к фольклорным, локальным и национально-культурным феноменам, М. Фриш тем самым отдает дань

этнографической специфике пересматриваемого им концепта.

В отличие от патетической тональности драмы Ф. Шиллера, служащей наряду с другими целями идее возвеличивания природы Швейцарии как активного сторонника швейцарцев в борьбе против тирании, произведение М. Фриша пронизано иронической тональностью, обусловленной прежде всего стремлением автора к снижению исходных архетипов. Так, отношение к природе в повести «Вильгельм Телль для школы» передается через призму субъективного восприятия ландфогта. При этом акцент делается на непонимание и невосприятие красот Швейцарии:

«Es ***wunderte*** *ihn, daß* ***hier Menschen wohnen****... Je* ***enger die Täler****, desto* ***kränkbarer die Leute****, das spürte der dickliche Ritter schon... Eine* ***mühsame Gegend****... ... – ein* ***Rudel von Hütten****..., das also war Flüelen»* [4, с. 7–10].

Данный фрагмент представляет собой интертекстуальную ссылку на идиллический пейзаж из описания первой сцены первого действия драмы Ф. Шиллера, квинтэссенцией которого является идея гармоничного сосуществования природы и человека. Идиллической картине в драме Ф. Шиллера противопоставляется удивление пришельца по поводу того, что в этих землях вообще можно жить – настолько неприветлив окружающий ландшафт, состоящий из одних гор. Тем самым М. Фриш проводит параллель между жизнью на очень ограниченном пространстве и узостью взглядов местного населения (*Je enger die Täler, desto kränkbarer die Leute*).

Деревни и крестьянские подворья, живописно расположившиеся среди зеленых лугов (*Über den See hinweg sieht man die grünen Matten, Dörfer und Höfe… im hellen Sonnenschein liegen* [9, с. 3]), воспринимаются ландфогтом как «скопище хибар» (*Rudel von Hütten*). Данное выражение характеризуется иронической тональностью с элементами сарказма, в основе которой находится субъективная экспрессивно-отрицательная оценка, которой пронизана вся повесть «Вильгельм Телль для школы». Возникший контраст служит идее снижения созданной Ф. Шиллером природной идиллии посредством создания комического и иронического эффекта. Ирония, таким образом, является одним из основных средств демифологизации в произведении М. Фриша.

Итак, реализации идеи по созданию концепта *Вильгельм Телль* подчинены все художественные структуры драмы Ф. Шиллера «Вильгельм Телль», так же как все структуры повести М. Фриша «Вильгельм Телль для школы» служат цели снижения данного концепта. Не является исключением и художественный топос, анализ специфики которого может быть проведен только с учетом самых широких интертекстуальных связей, затрагивающих как собственно литературные тексты, так и исторический, культурный, социальный и индивидуально-ассоциативный план.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Худож. лит., 1986. С. 121–290.

2. *Гончарова Е. А., Шишкина И. П.* Интерпретация текста. М.: Высшая школа, 2005. 368 с.

3. *Никонов В.А.* Введение в топонимику. М.: Наука, 1965. 179 с.

4. *Frisch M.* Wilhelm Tell für die Schule. Frankfurt a.M.: Suhrkamp Taschenbuch, 1971. 96 S.

5. *Hoppe M.* Schillers Schauspiel «Wilhelm Tell» // Stunzi L. (Idee u. Aufn.): Tell. Werden und Wandern eines Mythos. Bern: Hallwag, 1973. S. 125–166.

6. *Kühnle J.* Mythenstein. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.wissen-im-netz.info/literatur/schiller/lex/M/Mythenstein.htm

7. *Mettler H. u. Lippuner H.* Die «classische Örtlichkeit» des Rütli oder Kultur und Natur in Klassik und Gegenwart // Mettler H. u. Lippuner H.: «Tell» und die Schweiz – die Schweiz und «Tell». Zürich: Paeda Media, 1982. S. 47–95.

8. *Müller H.-G.* Friedrich Schiller und die Schweizer. Vortrag bei der Europäischen Akademie Sankelmark, Februar 2001. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.beepworld3.de/members27/h-g-m/sch.htm

9. *Schiller F.* Wilhelm Tell. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.digbib.org/Friedrich_von_Schiller_1759/Wilhelm_Tell_.pdf - 100 S.

10. *Schmidt J. K.* Menhire und Schalensteine in der Zentralschweiz. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.terraner.de/CH/Zentralschweiz.htm

11. *Schütt Ch., Pollmann B. (Hrsg.)*: Chronik der Schweiz. - Dortmund: Chronik-Verlag / Zürich: Ex Libris, 1987. 640 S.

12. *Widmer U.* Die Topographie des «Wilhelm Tell». Ein Lokaltermin mit Friedrich Schillers Drehbuch in der Hand. // Neue Zürcher Zeitung. 17.11.2003.